

УДК 343.351(47+57)

DOI 10.33463/2687-122X.2021.16(1-4).3.296-305

ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ХАРМАЕВ,

кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова,
г. Улан-Удэ, Российская Федерация,
e-mail: kharmaev@mail.ru;

КРИСТИНА СЕРГЕЕВНА ЛАТЫПОВА,

кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова,
г. Улан-Удэ, Российская Федерация,
e-mail: krista.100@mail.ru;

ЮЛИЯ АЛЕКСАНДРОВНА САРАНОВА,

преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова,
г. Улан-Удэ, Российская Федерация,
e-mail: yulia1704@bk.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ «ВОРОВСКОГО» ДВИЖЕНИЯ В КРИМИНАЛЬНОЙ СРЕДЕ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД (КОНЕЦ 40-Х – НАЧАЛО 50-Х ГОДОВ XX ВЕКА)¹

Для цитирования

Хармаев, Ю. В. Трансформация «воровского» движения в криминальной среде в послевоенный период (конец 40-х – начало 50-х годов XX века) / Ю. В. Хармаев, К. С. Латыпова, Ю. А. Саранова // Уголовно-исполнительное право. – 2021. – Т. 16(1–4), № 3. – С. 296–305. – DOI : 10.33463/2687-122X.2021.16(1-4).3.296-305.

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, посвященные анализу влияния Великой Отечественной войны на трансформацию «тюремной» стратификации в криминальной среде. Предметом исследования выступают особенности отдельных нормативно-правовых актов пенитенциарного законодательства советского периода, повлиявших на изменение количественных и качественных показателей лагерного контингента в местах лишения свободы. Отмечается специфика призыва для участия в Великой Отечественной войне бывших заключенных ГУЛАГа. Цель написания статьи: проанализировать ситуацию, связанную с возвратом большого количества бывших заключенных-фронтовиков в лагерь и колонии в связи

© Хармаев Ю. В., Латыпова К. С., Саранова Ю. А., 2021

Статья подготовлена в рамках инициативного Гранта Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова 2021 г. № 21-13-0502.

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

с совершением ими уголовных преступлений и их противоборством с «ворами» старых традиций. Научная новизна заключается в констатации такого факта, что криминальная стратификация претерпела существенное изменение в связи с возвратом и осуждением к длительным срокам лишения свободы большого количества бывших фронтовиков. Практическая значимость статьи состоит в том, что анализ современного состояния организованной преступности будет неполным без ссылки на происходившие изменения в криминальной стратификации и причины, этому способствовавшие. Авторами использован диалектический подход к познанию указанных пенитенциарных явлений, позволяющий проанализировать их в историческом развитии и функционировании в контексте совокупности объективных и субъективных факторов, который определил выбор следующих методов исследования: формально-логический, сравнительно-правовой, статистический, документальный, социологический.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, пенитенциарная система, «вор в законе», «сучья» война, преступность.

2020 г. прошел под эгидой памяти и славы в ознаменование 75-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Большинство мероприятий, в том числе научных, были посвящены этому историческому событию. Представители пенитенциарной науки не остались в стороне, и ими были сделаны попытки осмыслить отдельные этапы развития уголовно-исполнительной (исправительно-трудовой) политики государства сквозь призму одного из самых значимых событий в истории XX столетия.

Великая Отечественная война (как, впрочем, и Вторая мировая война) исследователями нередко рассматривалась как большая геополитическая катастрофа, оказавшая судьбоносное влияние на развитие и становление многих государств в мире как очередной этап исторического передела мирового порядка. Сегодня все меньше остается сомнений в том, что тоталитарные режимы чаще других политических устройств связаны с такими явлениями, как умолчание, мифологизация или предвзятая интерпретация отдельных исторических процессов и явлений, в угоду определенным идеологическим соображениям, штампам и действующим внутринациональным государственным доктринам. Следует признать, что и Российское государство не обошлось в своем развитии без подобных трансформаций. Конец XX столетия ознаменовался не только распадом советского режима, повлекшим за собой разрушение устоявшихся стереотипов, трансформацию ценностных ориентиров, но и корректировкой основ конституционной составляющей во многих сферах жизнедеятельности.

Возвращение в нашу действительность реализации права граждан на свободу слова, серьезных дискуссий, споров и расширения диапазона точек зрения по разъяснению сути и содержания исторического прошлого такого государства, как СССР, не всегда имело положительные последствия. Не секрет, что порой ряд современных научных исследований обращают на себя внимание обывателей своими сенсационными и «кричащими» заголовками, не совсем научными подходами к описанию и анализу важных проблем в жизни государства и отдельно взятых известных личностей. Безусловно, в актив для современных исследователей можно занести возможность получения более обширной информации в социальных сетях, использование широкого перечня научной, публицистической и документальной литературы в открытом цифровом формате. Представляется, что доступ к ранее закрытым архивным материалам однозначно

помог ученым расширить объект своего исследования, возможность аргументации и интерпретации выдвинутых ими научных положений и гипотез. В то же время до сих пор еще остаются белые пятна при объяснении тех или иных событий в истории развития нашего государства.

При анализе таких категорий, как Великая Отечественная война и исправительно-трудовая политика государства, авторами традиционно рассматриваются вопросы, связанные с ролью и значением Главного управления лагерей (далее – ГУЛАГ) в окончательной победе над фашизмом во Второй мировой войне. Как правило, разночтений в описании данного исторического события среди ученых практически не наблюдается.

Современная пенитенциарная, научно-популярная и публицистическая литература отчетливо показывает единообразный подход к оценке роли системы ГУЛАГа в период Великой Отечественной войны. Цифровые и статистические показатели разных ученых в целом особо не отличаются друг от друга, и мы наблюдаем одинаковый подход к описанию того вклада, который внесли представители ГУЛАГа в общую победу над врагом [6, с. 50; 7, с. 10; 8, с. 128; 13, с. 71; 14, с. 39; 16, с. 63; 17; 21]. По мнению Л. Б. Смирнова и В. П. Очередыко, с 1942 по 1944 год пенитенциарная система ГУЛАГа подготовила для Красной Армии почти 1 092 000 чел., где доля кадровых сотрудников составляла всего 117 000, то есть около 10,7 % от всех призванных на фронт. В справке о контингенте, переданном в ряды Красной Армии местами заключения НКВД СССР с начала Великой Отечественной войны по 1 сентября 1944 г., указано, что в ряды Красной Армии (без учета передачи из тюрем в 1944 г.) передано 1 030 494 чел., как видим, цифры особо не отличаются [5, с. 428]. Подавляющее большинство бывших заключенных, пополнивших ряды Красной Армии, подпадали под требования Указа Президиума Верховного Совета СССР от 12 июля 1941 г. «Об освобождении от наказания осужденных по некоторым категориям преступлений». На основании данного нормативного документа они чаще всего попадали в штрафные роты, а также вводились в состав обычных частей Красной Армии. Условно-досрочному освобождению не подвергались и не попадали на фронт осужденные за тяжкие преступления, рецидивисты, а также неблагонадежные, к которым относились осужденные за политические преступления.

Первостепенная задача лагерей и колоний ГУЛАГа в период войны заключалась в развитии и поддержании экономической отрасли народного хозяйства государства, где были активно использованы узники советской пенитенциарной системы. Несмотря на то что ряды Красной Армии в начале Великой Отечественной войны пополнились почти на миллион с лишним человек узниками ГУЛАГа, не только не снизился выпуск продукции лагерного производства, но и почти повсеместно выполнялся и перевыполнялся план выработки. Не вдаваясь в подробности статистических показателей по движению заключенных (они подробно исследованы в ряде специальных работ [14, с. 39]), можно с уверенностью констатировать, что вклад узников ГУЛАГа был весьма заметен и ощутим, особенно в таких отраслях, как: добыча полезных ископаемых; лесозаготовки; выпуск и производство швейных изделий; воспроизводство основных фондов; выпуск отдельных видов боеприпасов и т. д. Всего в фонд обороны страны от заключенных поступило: в 1941 г. – 250 000 руб., в 1942 – свыше 2 млн, в 1943–1944 гг. – 25 млн руб. Кроме того, ГУЛАГом в годы войны предоставлялась рабочая сила различным отраслям промышленности, в том числе: промышленности боеприпасов и вооружения, черной и цветной металлургии, авиационной и танковой промышленности, угольной и нефтяной, электростанциям и электропромышленности, лесной промышленности, а также всем важнейшим стройкам СССР [5, с. 342].

Отмечая территориальные особенности трудового участия лагерного контингента в военный период, можно на примере Забайкалья показать, как небольшая по численности и территории Бурят-Монгольская АССР и ее специальный контингент внесли достойный вклад в дело победы в Великой Отечественной войне. Согласно статистическим показателям, население республики в начале 40-х годов XX столетия немногим превышало 400 тыс., тогда как пенитенциарных исправительных заведений к этому времени насчитывалось более двадцати [10, с. 51]. Такая картина была характерна для многих сибирских и дальневосточных регионов страны. Министр внутренних дел С. Н. Круглов в 1946 г. на итоговой коллегии МВД СССР отмечал: «Несмотря на сокращение числа осужденных по сравнению с довоенным временем, пенитенциарная система Бурятии была крупнейшим промышленно-строительным управлением, в производственно-хозяйственной деятельности которого были достигнуты значительные результаты... Годовые плановые задания в 1941–1944 гг. Улан-Удэнский ПВРЗ выполнял на 108,6 %, Мехстеклозавод – на 100,4 %, Мелькомбинат – на 102,9 %, Джидинский вольфрамомолибденовый комбинат – на 120,5 %» [10, с. 52].

Нам представляется интересным следующий аспект, который, как правило, встречается либо в специальной литературе, либо в закрытых источниках, и лишь в последнее время можно найти подобную информацию в социальных сетях в открытом доступе. Речь идет об оценке и поощрении государством заслуг бывших заключенных – узников лагерей ГУЛАГа за проявленное мужество и героизм на фронтах Второй мировой войны. К высшим наградам государства: Золотой Звезде Героя Советского Союза и ордену Ленина были представлены и награждены шесть участников войны, бывших заключенных-фронтовиков. Наиболее знаком широкому кругу лиц Александр Матросов. Он один из первых, кто совершил героический подвиг, закрыв своим телом амбразуру вражеского дзота, за что был посмертно представлен к высшей воинской награде.

В докладе начальника ГУЛАГа В. Г. Наседкина наркому внутренних дел Л. П. Берия «О работе ГУЛАГа за годы войны (1941–1944)» отмечалось следующее: «Многие бывшие заключенные, находясь на фронтах Отечественной войны, проявили доблесть и геройство, за что награждены орденами и медалями Советского Союза. Бывшим заключенным: Матросову, Бреусову, Отставнову, Сержантову, Еронько, Ефимову присвоены звания героев Советского Союза. Геройский поступок Матросова отмечен специальным приказом Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища Сталина» [5, с. 275]. Сухие строчки из справочного списка подробно описывают, когда и за что перечисленные участники Великой Отечественной войны были представлены к высшей награде Родины [18].

Вот одно из писем старшего сержанта Шипунова Якова Федоровича от 15 августа 1943 г. (бывший заключенный Печорлага): «Тов. строители доблестной нашей стройки, примите от артиллеристов грозных советских батарей наш пламенный боевой привет. Дорогие товарищи, мы не так давно призывались с Вашей славной стройки на защиту своей любимой Родины. В первых боях по прорыву вражеской блокады к великому городу Ленинграду мы также приняли участие. Нашу волю и мужество к победе никогда не сломить, мы смело идем в бой за родину и не боимся смерти. Тов. строители, враг еще находится близко у стен славного русского города, день и ночь идут бои, враг цепляется за каждую болотную кочку, но воины Красной Армии громят его коммуникации, траншеи, дзоты и блиндажи. Ваша дорога, тов. строители, помогла нам прорвать блокаду. Каждый килограмм привезенного с Воркуты угля играет большую роль в деле победы над врагом. Надеемся, что Вы не снизите своих темпов в вашей трудовой ра-

боте, а мы вас заверяем, что недалек тот час, когда врага мы положим в могилу у стен Ленинграда и нанесем ему новые еще сокрушительные удары, от которых он едва ли опомнится. Артиллеристы: ст. сержант Шипунов – дважды орденоседец, ст. разведчик Ивашкин – трижды орденоседец, разведчик Копылов – дважды орденоседец, наводчик Селантьев – дважды орденоседец, разведчик Седов – дважды орденоседец». Аналогичные письма с фронта поступали непосредственно в подразделения лагеря и на имя отдельных заключенных и использовались как материал для повышения производительности труда среди заключенных [5, с. 528].

Нельзя не отметить следующий интересный факт: в послевоенный период звания Героя Советского Союза по разным причинам, в основном за совершение общеуголовных преступлений (убийство, изнасилование, разбой, хулиганство, иные имущественные преступления), были лишены 72 человека [18]. Кроме них еще 61 кавалер Золотой Звезды лишен этого звания, но впоследствии все они были восстановлены в этих званиях. Как показывают прошедшие исторические события, в основном это стало возможным в результате неправомερных репрессий и незаконного осуждения, которые были вскрыты с середины 1950-х годов и после. К сожалению, 16 героев Советского Союза впоследствии были расстреляны, из них 12 – реабилитированы и восстановлены в звании.

Статистические данные послевоенных лет объективно отражают наиболее характерные тенденции развития и изменения преступности в стране конца 1940-х – начала 1950-х годов. Страна, победившая фашизм, вопреки оптимистическим устремлениям и праздничной победной эйфории испытала именно в этот период ряд негативных моментов, связанных с голодом 1946–1947 гг., резким ростом преступности. Динамика лиц, совершивших преступления и пополнивших ряды узников советских лагерей, отчетливо показывала небывалый ранее рост, даже по сравнению с уголовными репрессиями 1930-х годов. Например, в 1946 г. в целом в стране было зафиксировано 1 486 595 осужденных к лишению свободы, через два года – в 1948 г. их насчитывалось уже 2 199 411, а в 1950 г. «сидельцами» ГУЛАГа стали уже 2 406 667 чел. [22, с. 116].

Для того чтобы понять и оценить значение указанных тенденций, связанных с ростом общеуголовной преступности в стране, а также новых нормативно-правовых документов в послевоенный период, необходимо принять во внимание условия, обстановку, социально-экономическую ситуацию общества, в которых они появились. Именно в этот период были приняты указы Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан», «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», «Об усилении уголовной ответственности за изнасилование», которые существенно увеличили верхний предел лишения свободы, где законодатель предусмотрел максимальное лишение свободы сроком до 25 лет [15, с. 60]. Власти посчитали, что задачу восстановления разрушенной войной экономики легче решить путем использования огромного контингента заключенных, бесплатной рабочей силы. Все это вылилось в усиление карательной пенитенциарной политики государства и значительное ужесточение уголовной ответственности и наказания в отношении лиц, совершивших корыстные преступления, хулиганство, изнасилования и т. д. Хотя следует отметить, что в 1947 г. была отменена высшая мера наказания – смертная казнь, государство было вынуждено вернуть данный вид наказания в 1950 г. [16, с. 61].

Криминальная стратификация ссыльнокааторжного (преступного) элемента, ее неформальное разделение просматривается исторически длительное время. Одним из первых обратил внимание на социальную градацию среди уголовно-преступного контингента и выделил ее еще в середине XIX в. известный этнограф, краевед и иссле-

дователь Сибири С. В. Максимов. В известном трехтомнике «Сибирь и каторга» он не только описывает быт, состояние каторжан, но и один из первых дает подробную стратификацию каторжанского населения и представляет развернутый словарь жаргонных слов и выражений, а также стихи и песни, так называемую тюремную лирику ссыльных и каторжан XIX столетия [4, с. 74]. Советская лагерная система не избавилась от стратификации тюремного контингента, она стала более разномастной в зависимости от роли, выполняемой каждой отдельной категорией осужденных, а также от их поведения и отношения как к представителям администрации мест лишения свободы, так и к другим осужденным.

Ранее нами отмечалось, что послевоенный период отличался не только ужесточением законодательства за совершение общеуголовных преступлений (кража, грабеж, разбой, хулиганство, изнасилование), но и резким увеличением потока лагерного контингента, среди которых в большом количестве наблюдались вчерашние заключенные-фронтовики, вновь возвращавшиеся в колонии и тюрьмы. На наш взгляд, именно этот период повлиял на становление и развитие организованной преступности в стране. Советская криминологическая доктрина допускала существование организованной преступности, но согласно существовавшим концепциям она активно проявляла себя лишь за рубежом: это и итальянские «мафиози»; японские «якудза»; китайские «триады»; колумбийские «наркокартели». До официального признания существования организованной и профессиональной преступности в СССР было еще очень далеко. Справедливости ради необходимо указать, что изучение «воровского» движения в криминальной среде было предметом научного исследования уже в те времена, но, как правило, данные изыскания носили закрытый характер либо предназначались «для служебного пользования», и результатами таких работ мог воспользоваться только узкий круг лиц.

Профессор А. И. Сидоркин [17, с. 99] в своей статье «Особенности борьбы с бандитизмом в местах лишения свободы в 1930–1950 гг.» провел анализ и выявил специфические причины всплеска преступных проявлений со стороны бандитствующего элемента в советских лагерях и тюрьмах указанного периода. С середины 1930-х годов в местах лишения свободы, по мнению автора, причины преступной активизации уголовного элемента были связаны с увеличением количества самого контингента, а также их желанием воспользоваться «общаковой казной», что непременно повлекло за собой внутреннюю борьбу в криминальной среде за доступ к ней [17, с. 100]. В предвоенные годы внутрилагерная обстановка осложнилась тем, что контингент ГУЛАГа стал пополняться особо опасными преступниками с присоединенных территорий (Западная Украина, Западная Белоруссия, Бессарабия, прибалтийские государства). Утвердиться им в более привилегированных условиях помешало сильное сообщество местных воров, которое легко расправилось с «самозванцами» из-за нарушения «кодекса воровской чести» [17, с. 101]. Наиболее сложная оперативная обстановка в местах заключения наблюдалась в послевоенное время (конец 1940-х – начало 1950-х годов). А. И. Сидоркин отчетливо показывает ситуацию в лагерях со ссылкой на архивные материалы, судебную практику и ведомственные обзоры.

Согласно статистическим данным, именно в это время вплоть до середины 1950-х годов наблюдалось сокращение контингента «воров в законе». Среди причин – начало в лагерях «сучьей» войны между представителями «честных, традиционных воров» и возвращавшихся бывших заключенных-фронтовиков. Одним из часто упоминаемых в прессе и социальных сетях представителей советских «воров в законе» является Анатолий Черкасов по кличке Толик Черкас, бывший фронтовик, награжденный дву-

мя орденами Славы и двумя медалями «За отвагу» [11]. В послевоенные годы за ряд совершенных преступлений отбывал наказание во Владимирской тюрьме и в колонии строгого режима, принимал участие в «сучьей» войне на стороне фронтовиков, при этом утаивал от старых законников наличие у него государственных наград. По оперативным данным известно, что на «воровской сходке» в Киеве в 1970-х гг. Толлик Черкас добился пересмотра ряда положений в преступном мире. Все это говорит о том высоком положении, которое он занимал в преступной иерархии.

Следующий представитель преступников-фронтовиков «вор в законе» Василий Пивоваров по кличке Салавар остался в криминальной хронике оперативных подразделений как неоднозначная фигура. Во время войны командовал разведывательной ротой, к концу войны был уже в звании капитана, что не помешало ему впоследствии пополнить ряды советских заключенных в бескрайних Колымских просторах. Активная деятельность Салавара по уничтожению «воров-честняг» старых традиций нашла отражение в воспоминаниях сидельцев колымских лагерей, в художественной и публицистической литературе. Вадим Туманов¹ откровенно описывает роль В. Пивоварова в «сучьей» войне в своих воспоминаниях [22, с. 213]. В письме заключенного О. Жукова К. Е. Ворошилову о реорганизации системы лагерей отмечается пример такого противостояния: «Методы инквизиции и варварских времен меркнут перед приемами современности т. н. трюмиловки, применяемой ворами «суками», а также некоторым начальством по отношению воров «честных». Цель – путем страшных мучений подчинить врага своей идее, заставить отказаться от своего прошлого, встать на сторону «сук». Сказавший «да», жмет руку и закрепляет свой переход целованием ножа и немедленным участием в трюмиловке недавних товарищей. В отношении провинившихся «фраеров» применяется теми и другими избиение чем попало, подвешивание. Один из страшнейших приемов – подкидывают человека за руки и ноги и бьют об пол. Несколько ударов и кровь хлещет из глотки, носа и ушей» [5, с. 610]. Варлам Шаламов в «Колымских рассказах» не обошел своим вниманием указанную тему, тем более что бывший в прошлом узником сталинских лагерей знает эту проблему изнутри и в своей повести «„Сучья“ война» описал деятельность Василия Пивоварова под кличкой Король [24]. Владимир Высоцкий совместно с иркутским журналистом Леонидом Мончинским в романе «Черная свеча»² рассмотрели персонаж В. Пивоварова под своей воровской кличкой Салавар [3].

Преступная карьера очередного Героя Советского Союза Василия Григина (сибиряка с Алтая) [19] началась в 1947 г. и продолжалась на протяжении нескольких лет, вылилась в девять последующих судимостей (в основном за хулиганство и имущественные преступления). В. Ф. Григин был лишен всех званий и наград после шестой судимости 17 февраля 1964 г. Этот пример наглядно показывает, что пеструю массу послевоенных заключенных представляли выходцы самых разных слоев советского общества [23, с. 43].

¹ Туманов Вадим Иванович – российский предприниматель, участник Великой Отечественной войны, 8 лет провел в колымских лагерях по надуманному обвинению. В июле 1956 г. Туманова освободили, признав невиновным, со снятием судимости и поражения в правах. В 2004 г. вышла автобиографическая книга Вадима Туманова «Все потерять – и вновь начать с мечты...», где он рассказывает о годах, проведенных на Колыме.

² Нелегкая судьба предпринимателя Вадима Туманова легла в основу книги Владимира Высоцкого и Леонида Мончинского «Черная свеча», по мотивам которой в 2006 г. был снят фильм «Фартовый».

Оценка истории пенитенциарной политики государства военного периода и роли в ней контингента ГУЛАГа нуждается в дополнительной научной проработке. По определенным советским идеологическим соображениям отдельные явления, связанные с преступностью, либо сознательно умалчивались, либо интерпретировались весьма фрагментарно. Проблемы признания, анализа и оценки организованной преступности в СССР¹ заставляют авторов детально обратиться к рассмотрению причин замалчивания проявлений профессионализма в преступной среде, наличия и активного существования «воровского» движения в криминальной сфере, которое, несомненно, влияло на криминогенную обстановку как в местах лишения свободы, так и в целом по стране.

Резюмируя изложенное, хотелось бы отметить следующее. Несомненно, Великая Отечественная война наложила отпечаток на советскую исправительно-трудовую систему колоний и лагерей в целом, предопределила изменения и трансформацию в криминальной (тюремной) стратификации контингента осужденных. «Воровской» мир пережил в тяжелых условиях свой организационный период и выработал для возможности выжить и сопротивляться крепкую, сплоченную воровскую группировку так называемых честных блатных, урок, подчиняющихся беспрекословно и неотступно «воровскому закону», выработал идеологию выживания по своим неформальным правилам. Высшая власть – «воровская сходка», где разбираются все инциденты, назревшие вопросы, намечается дальнейший план действий и поведения в связи с обстановкой. Они презирают все устои человечества о труде, совести, чести, приличия поведения. У них свои выработанные понятия об этом: пренебрежение к оседлому образу жизни, к работе, обзаведению семьей, сотрудничеству с властями; отступление, предательство, измена, проигрыш в карты, несвоевременная выплата долга влекут за собой смерть, при более легких обстоятельствах – избивание, общее презрение, потерю «воровского звания» «честного урки». Эта невозможность пребывания в рамках «воровского закона» породила новую разновидность воров – «сук», более приспособленных к условиям жизни в лагере и на свободе, но все равно в корне преступных, также придерживающихся «воровского закона», но видоизмененного [5, с. 610]. Почти до середины 1960-х годов в пестрой классификации тюремного населения ГУЛАГа прочно укрепилась следующая категория сидельцев – «фронтвики» (на жаргоне именуемых «суки», «польские воры», «отошедшие», «ломом подпоясанные» и др.) [23, с. 44]. Следует отметить, что именно представителям воровской среды, продолжавшим придерживаться старых «традиций», пришлось не только враждовать с конца 1940-х годов по 1960-е годы с «ворами-фронтвиками», но и вступить в очередное кровавое противоречие с «ворами» 1990-х годов постсоветской России. Правда, это уже очередной виток противостояния внутри преступных элементов в следующей социально-экономической, исторической и политической обстановке.

События, получившие свое развитие в послевоенные годы на территории лагерей и колоний советской исправительно-трудовой системы постепенно становятся объектом исследования и изучения со стороны специалистов уголовно-исполнительного и других отраслей права [1, 2, 12, 16, 17, 20, 23]. Со всей определенностью можно отме-

¹ Советская криминологическая доктрина отрицала существование в стране организованной преступности ввиду отсутствия якобы самих причин и условий преступности при социализме. Впервые официальное признание указанного явления приходится на 1989 г., когда на II Съезде народных депутатов Верховного Совета СССР было опубликовано постановление «Об усилении борьбы с организованной преступностью».

тить, что рассмотрение современных проблем организованной преступности, роли их «преступных авторитетов» невозможно без сравнительного анализа явлений, происшедших в пенитенциарной системе советского периода, в частности периода «сучьих» войн, первой криминальной трансформации «воровского» движения в России. Еще раз подчеркнем, что на указанные изменения в пенитенциарной системе большое влияние оказало такое историческое событие, как Великая Отечественная война.

Библиографический список

1. Анисимков В. М. Россия в зеркале уголовных традиций тюрьмы. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. 202 с.
2. Афиногенов В. А. Субкультура осужденных и ее влияние на их поведение в условиях изоляции : дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2016. 215 с.
3. Высоцкий В. С., Мончинский Л. В. Черная свеча. М. : Моск. междунар. шк. переводчиков, 1992. URL : <https://www.livelib.ru/book/1000277641-chernaya-svecha-vladimir-vysotskij> (дата обращения: 20.10.2020).
4. Гантулга Н., Хармаев Ю. В. Опыт влияния трудов русских классиков (Ф. М. Достоевский, А. П. Чехов, С. В. Максимов, В. М. Дорошевич и др.) на гуманизацию пенитенциарной политики в государстве // Преступность в России: проблемы реализации закона и правоприменения : сб. науч. тр. / под ред. В. А. Авдеева. Иркутск : БГУЭП, 2015. С. 72–78.
5. ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960 / под ред. А. Н. Яковлева ; сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров. М. : Междунар. фонд «Демократия», 2002. 888 с.
6. Добренко К. Ю. Роль заключенных ГУЛАГА в Великой Отечественной войне // История уголовно-исполнительной системы России: человек – общество – государство : сб. материалов науч.-практ. конф., посвященной 140-летию уголовно-исполнительной системы России (Новокузнецк, 12–14 дек. 2018 г.). Новокузнецк : Кузбас. ин-т ФСИН России, 2019. С. 50–53.
7. Земсков В. Н. ГУЛАГ: историко-социологический аспект // Социологические исследования. 1991. № 7. С. 10–27.
8. Иванова Г. М. История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. М. : Наука, 2006. 438 с.
9. Известные личности Симбирско-Ульяновского Поволжья (XVII–XXI вв.). Матросов Александр Матвеевич. URL : http://www.ulspu.ru/famous_people/page45.html (дата обращения: 20.10.2020).
10. История пенитенциарной системы Бурятии / под общ. ред. С. П. Суша. Улан-Удэ : НоваПринт, 2006. 160 с.
11. Как герой войны Анатолий Черкасов стал самым влиятельным «вором в законе». URL : https://news.rambler.ru/other/38841265/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 20.10.2020).
12. Кузьмин С. И. ГУЛАГ в годы войны // Преступление и наказание. 1998. № 5.
13. Кузьмин С. И. Роль ГУЛАГа в карательной системе Советского государства // IV Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 140-летию уголовно-исполнительной системы России и 85-летию Академии ФСИН России) : сб. тез. выступ. и докл. участников (г. Рязань, 20–22 нояб. 2019 г.) : в 10 т. Рязань : Академия ФСИН России, 2019. Т. 10 : Материалы международных научно-практических конференций и круглых столов. С. 71–76.
14. Кузьмин С. И. Организованные преступные группировки в местах лишения свободы // Преступление и наказание. 1995. № 1.

15. Кузьмин С. И. Развитие исправительно-трудовой системы Советского государства (1931–1953 годы) // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2014. № 2(141). С. 60–65.

16. Очередыко В. П., Смирнов Л. Б. Пенитенциарная система Советского государства в предвоенные и военные годы (1930–1945 гг.) и ее роль в достижении победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2005. № 2(26). С. 61–66.

17. Сидоркин А. И. Особенности борьбы с бандитизмом в местах лишения свободы в 1930–1950-е гг. // Lex russica. 2015. Т. 102, № 5. С. 99–109.

18. Список героев Советского Союза. URL : <http://www.warheroes.ru/main.asp/page/1> (дата обращения: 20.10.2020).

19. «Сучья» война после войны. URL : <https://holonist.livejournal.com/1250699.html> (дата обращения: 20.10.2020).

20. Тумаков Д. В. Уголовная преступность и борьба с ней в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (по материалам Ярославской области) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2010. 23 с.

21. Туманов В. И. Все потерять – и вновь начать с мечты... 3-е изд. М. : Либрика. 2017. 623 с.

22. Уголовно-исполнительная система, 125 лет / под общ. ред. Ю. Я. Чайки. М. : Новости, 2004. 288 с.

23. Хармаев Ю. В. Узники ГУЛАГа в период Великой Отечественной войны: от Отечественной до «сучьей» войны // Криминологические чтения : материалы XV Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвященной памяти заслуженного юриста Российской Федерации и Республики Бурятия профессора Б. Ц. Цыденжапова / науч. ред. Э. Л. Раднаева, отв. ред. Е. В. Плескачевская. Улан-Удэ : Бурят. гос. ун-т, 2020. С. 39–45.

24. Шаламов В. Т. «Сучья» война. URL : https://bookz.ru/authors/6alamov-varlam/su4_a-_987.html (дата обращения: 20.10.2020).